

В 70-е годы прошлого века американский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт, посетив СССР, обмолвился, что в Советском Союзе создан прообраз общества будущего, к которому человечество еще не готово. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в чем-то он оказался вполне прав. Что-то в этом периоде – периоде правления Леонида Брежнева, со дня смерти которого сегодня исполняется ровно тридцать лет, – было глубинно-величественное, но при этом настолько противоречивое, что исходом его стало не новое движение вперед, не новый эпохальный прорыв, а резкое обрушение в катастрофу. Кто-то считает, что это обрушение было неизбежным, кто-то видит в нем историческую случайность, вызванную действием в основном субъективного фактора.



Не Брежнев должен был спасти страну от последствий «волютаризма», но именно он выиграл схватку за власть. Теперь можно только гадать, что было бы, если бы победил тот, кто был вдохновителем снятия Хрущева, – Александр Шелепин. Но победил Брежнев. И когда в 1982 году он умер, были те, кто плакал. Не так, конечно, как плакали о Ленине, и не так, как о Сталине. Не убивались. Эмоции колебались между «Вы слышали? Жалко старичка-то!» (сентиментальные слезы) и «Черт! Ведь передерутся же! Только все успокоилось!» (слезы некоей прозорливой горечи).

Не вполне верно говорить, что Брежнев правил страной 18 лет. Первые два года (1964-66) он утверждал свое положение, боролся за первенство. И назывался тогда он вовсе еще не Генеральным секретарем, а только 1-м секретарем ЦК КПСС. Генеральным он станет только в 1966 году, когда пройдет 23-й съезд и он не в идеологической дискуссии, а в кулуарном маневрировании одержит верх над тем, кто привел его к власти, – Шелепиным, упразднив его грозный пост председателя Комитета партийно-государственного контроля, единственного за всю историю СССР и КПСС. Теоретически Шелепину было подвластно все: от имени партии он мог контролировать

государство, от имени государства – держать в рамках законности партию. Его несостоявшееся правление – это отдельная тема.

С этого, 1966 года Брежнев, собственно, и правил. Но не до смерти в 1982 году, а до 1976 года, когда он... умер. Да, это – не ошибка. Леонид Ильич Брежнев умер в 1976 году.

И был воскрешен. Не в религиозном, разумеется, а в медицинском смысле этого слова. У него была клиническая смерть. Его вернули к жизни, но восстановиться в полной мере он уже не смог. И правил уже не он – правили от его имени, регулярно отказывая ему в просьбах об отставке, мотивируя это необходимостью сохранения стабильности, ибо ни одна из групп не была уверена в том, что одержит верх в противостоянии после его ухода.

До этой роковой даты он, по характеристике «Форрин Офиса» (Министерство иностранных дел Великобритании. – Прим. КМ.RU), был «волевым человеком, излучающим уверенность и компетентность». После нее стал инвалидом, сохранил и умножил полномочия, не стал номинальной фигурой, но при этом утратил контроль за текущими вопросами. Вот тогда и началось то, что называют «застоем». До «застоя» «молодой Брежнев» – активно действующий лидер, «вдыхающий энергию» в работу системы, после – тот самый персонаж из позднесоветских анекдотов.

Собственно, хотя это время и получило позже название «застоя», реально оно характеризовалось не остановкой развития, а снижением темпов его роста. Сами по себе рост и развитие экономики продолжались и хотя по своим темпам уступали предыдущим периодам, то на фоне и современной России, и современных благополучных стран Запада выглядели вполне прилично.

В 1976-80 гг. национальный доход вырос на 21%, объем промышленной продукции – на 24%, сельскохозяйственной – на 9%. В 1981-85 гг. эти показатели составили соответственно 16,5, 20 и 11%. Среднегодовые темпы прироста национального дохода в 1971-75 гг. составляли 5,7% (это как раз близко к удвоению ВВП за 10 лет), в 1976-80 – 4,3%, в 1981-85 – 3,6%. Соответствующие показатели среднегодовых темпов прироста промышленной продукции составляли 7,4, 4,4 и 3,7%. При этом темпы роста национального дохода на протяжении всех 70-х гг. сохранялись на уровне 4,9% ежегодного прироста, и даже в самые неудачные 1981-85 гг. ежегодный прирост был

3,6% в год.

Национальное богатство в период 1965-85 гг. ежегодно приумножалось на 6,5%, и лишь Горбачеву удалось обрушить этот показатель до 4,2%. В 70-е годы оно росло ежегодно на 7,5%, что ниже 10,5% в 1960-е, но выглядит почти триумфально на фоне последующего развития экономики России и весьма неплохо – на фоне показателей тогдашнего развития экономики европейских стран, не говоря уже об их показателях нынешних лет.

И все это притом, что максимальный уровень цен на нефть в 70-е годы составлял около 40 долларов за баррель, то есть в полтора-два раза ниже нынешних. Так что застаиваться застаивались, но больше не на фоне остального мира, а на фоне самих себя в прошлом.

Бесспорно, конечно, то, что к середине 80-х годов практически все общество хотело чего-то нового и ждало изменений. Точно так же, как бесспорно и то, что сегодня большая часть общества предпочла бы вернуться в 70-80-е годы: по данным опросов последних лет, около 60% населения хотели бы вернуться к «советской социалистической системе», отождествляемой ими именно с 1970-ми годами. В этом – концентрация противоречия брежневской эпохи: та жизнь – при всех своих благополучии, достатке, стабильности – людям действительно надоела, и общество хотело чего-то другого, но это «другое» явно находилось в диаметрально противоположном направлении по сравнению с тем, что получилось в результате.

Тогда достигнутый уровень развития характеризовали как «развитой социализм». Позже это определение высмеяли и от него отказались. Что оно, собственно, означает, поздняя советская теория так и не смогла внятно объяснить, однако в нем (может быть, произвольно) была ухвачена некоторая суть проблемы.

Что такое «развитое состояние» явления? Это такое состояние, когда в нем созревают все внутренние источники дальнейшего развития. А что такое «источники развития»? Внутренние противоречия данного явления. С этой точки зрения что есть «развитой социализм»? Это социализм, в котором созрели его внутренние противоречия, «социализм развитых противоречий».

При опоре на созревшие противоречия общество может резко двинуться вперед. При авантюрном отношении к ним общество доводится до катастрофы, то есть взрыва. В 80-е годы советское общество могло совершить новый прорыв (и именно его, не вполне осознавая своих собственных устремлений, оно и ждало), но могло быть и разрушено. Если горючее сгорает в двигателе – машина едет, но если бензопровод засорился, а водитель вместо того, чтобы его починить, со словами «будем мыслить по-новому» поливает автомобиль бензином и чиркает спичкой – автомобиль взрывается.

Брежневский период – это некий «золотой век» советского социалистического строя, его викторианство; период его наивысшего расцвета, наивысшей мощи. С США не только достигнут военно-стратегический паритет, но в какой-то момент судьба американских президентов даже решается в зависимости от того, обещают ли они своей стране наладить отношения с СССР или стремятся к конфронтации. Их визиты в Москву становятся непременным атрибутом внутреннего пиара.

Локальное и одновременно глобальное противостояние во Вьетнаме оборачивается триумфом советской политики и советской военной мощи. Один за другим расширяются плацдармы советского влияния на других континентах. Один за другим союзные СССР политические силы побеждают в «спорных странах». О Латинской Америке говорят как о «пылающем континенте», Африка пышет антиамериканизмом. Союзные США фашистские режимы падают в Португалии, Испании и Греции. Турция чуть ли не просится в Варшавский Договор. Индокитай уверенно окрашивается в красный цвет. Грохот парадов на Красной Площади гипнотизирует военных атташе стран мира и их правительства. Советские космические корабли взлетают так часто, что люди не успевают запоминать их номера и фамилии членов экипажа.

Почти любой правитель третьего мира, придя к власти, считает хорошим тоном пообещать строить социализм и просится на прием в Кремль, в котором «верный ленинец» Леонид Брежнев, не успевая принимать высокопоставленных визитеров и выслушивать их заверения в дружбе, добрососедстве и лояльности, подобно Екатерине Великой может с чистой совестью заявлять: «Сегодня ни одна пушка в мире не может выстрелить без нашего на то соизволения».

Сегодня трудно в это поверить, но ныне расцветшие пышным цветом попытки США где-нибудь кого-нибудь побомбить «во имя демократии и прав человека» тогда пресекались одним звонком Брежнева в Вашингтон с окриком: «СССР не останется в стороне».

В стране – покой и стабильность. Золото, меха, хрусталь и ковры исчезают из магазинов мгновенно. Страна вкушает достаток и благополучие, хотя и не на уровне западного общества потребления, но на фоне прежних трудных десятилетий это выглядит более чем сытым изобилием. Средняя зарплата тяготеет к 150 «тяжелым брежневским рублям» при чисто символической плате за коммунальные услуги и возможности тратить на питание 1-1,5 рубля в день. Ужин в хорошем ресторане обходится на одного человека в 10 рублей, авиабилет из Москвы до Симферополя или Тбилиси – в 38. Нормальный уровень зарплаты квалифицированного работника – 300 рублей, на нынешние деньги – почти 70 000.

Немногочисленные диссиденты, которых основная масса искренне рассматривает как умалишенных, сами не верят в то, что могут составить хоть какую-то опасность для власти...

И в этом величии, мощи и относительном (по отечественным меркам) изобилии страна начинает забывать, зачем все это, уходит и уходит от смутно всплывающего вопроса: «Что дальше?».

В одном из культовых советских фильмов начала 80-х скромная продавщица магазина после проигрыша советской сборной швыряет выигравшему у нее спор мяснику перстень с бриллиантом со словами: «Да я и последний камушек отдам, лишь бы наши буржуев наказали!», а в другом выселяемый местной хозяйкой из дому курортник бросает реплику: «Исторически – все ясно. Частная собственность себя изжила. Но что делать дальше – непонятно!».

Весь блеск и могущество советской страны и советского общества в этот период оказались не его, а заемными. Они строились не на том, что было создано в этот период (хотя еще раз надо отметить, что «застойная» советская экономика была во много раз сильнее, чем «отреформированная» российская), а на том, что было создано в предыдущие десятилетия.

Правившее в стране поколение, поколение родившихся в начале XX века, прошло индустриализацию, Великую войну, восстановление экономики. Оно обоснованно воспринимало себя как победителей, оно вынесло на себе все тяготы предыдущих

периодов и имело основания воспринимать все победы как свои заслуги. Оно умело работать, но хотело расслабиться и вкусить заслуженное благоденствие. При этом оно выросло в условиях, когда творцами целей и создателями стратегии были другие – те, кто им предшествовал. Это поколение умело выполнять задания и достигать целей, но не умело их ставить.

Брежневский период, чем-то напоминающий Июльскую монархию в послереволюционной Франции 1830-48 гг., был периодом, когда установилось коллективное правление высших менеджеров, сформированных в прошлую эпоху, правление высшей бюрократии. В той массовой бюрократии, которая вырастала под ними, они видели примерно тех же, кем были сами, – исполнителей, и даже эту наиболее родственную им социально-профессиональную группу не допускали на равных к выработке решений. Если сами они привыкли, что стратегические решения принимают над ними, и научились их исполнять, то новые нарастающие группы управленцев они не могли приучить быть такими же неуклонными исполнителями, какими были они сами. Не могли и ставить перед ними глобальные цели, продолжая в своем целеполагании лишь воспроизводить задачи, которые когда-то приучились исполнять.

Но задачи, которые эпоха ставила перед страной и обществом в ранний, «героический» период советского общества и в его поздний «золотой век», были объективно разными. В рамках первого стояла задача создания промышленной мощи, мощи индустриальной экономики, но в XX веке это уже не могло быть стратегической целью. Вставала задача создания постиндустриальной экономики, задача нового прорыва, по масштабам сопоставимого с прорывом 1920-40-х гг. Чтобы ее поставить, мало было быть эффективным исполнителем: надо было уметь видеть проблемы за горизонтом сегодняшнего дня, понимать и осознавать общий вектор развития цивилизации.

Для этого надо было либо обладать уровнем мышления концептуальных стратегов начала советского периода, либо напрямую столкнуться с угрозой отставания страны, столкнуться с превосходством остального мира и осознать потребность перехода к новой производственной эпохе как потребность исторического выживания, что, собственно, и сделало в своем социально-экономическом векторе капиталистическое общество. Первых не осталось (как по историческим, так и по физиологическим причинам), второе еще не проявилось в осязаемом состоянии.

Все было хорошо: экономика работала, космос осваивался, благосостояние росло, мировые враги проигрывали и шли на уступки... «Золотой век» достигнут. И правящее поколение, высший менеджмент, а за ним и остальное общество утрачивало качества

«мира фронта», каким оно было еще недавно.

Главными пороками брежневского общества и брежневского периода оказались достигнутый им блеск, его мощь, его благосостояние. Как когда-то могущественную Испанию погубило золото, тоннами вывозимое из Нового Света и сделавшее неактуальным развитие собственной промышленности и экономики, так и советское общество привели на грань катастрофы его сила и его успехи, достигнутые в иную производственную эпоху.

Властвовавшая в нем генерация была генерацией оруженосцев, которым достались доспехи героев. Но они хотя бы умели носить эти доспехи. На смену им шли другие – их оруженосцы, оруженосцы оруженосцев. Не ковавшие этих доспехов, не знавшие, как их носить, не видевшие битв, в которых эти доспехи дарили победы. А самое главное и самое страшное – они не знали, как делать новые доспехи. Из всех возможных применений доспехов они твердо знали лишь одно: что их можно выгодно продавать.

Основная беда и основной порок этого блистательного периода были не в тех заметных, но относительных проблемах, о которых любят вспоминать его критики, – дефиците и бюрократизации, а в том, что общество забыло, что не это главное. Общество, уставшее от собственных свершений и сменившее френч на смокинг, утонувшее в благополучном расслаблении, постепенно утратило из виду, что главное – это не благополучие и изобилие на товарных полках, не комфорт и потребление, а развитие, напряжение, стремление «сегодня» построить мир «завтра».

Утратив тот внутренний настрой, ту внутреннюю целеустремленность в будущее и ту привычку к напряжению, которые обеспечили его прежние победы, оно как лишилось способности к прорыву завтра, так и не обрело благополучия сегодня. И обрекло себя на то, что и вытекало из этого с неизбежностью, – на сытый бунт перестройки, бессмысленный и беспощадный.

[По материалам KM.RU, Сергей Черняховский.](#)